

половине XIX века ассоциировалось с враждебными России политическими силами: лондонскими пропагандистами и польскими революционерами, — становится в романе одной из форм беснования, которым одержима Россия. Культурный миф, используемый Верховенским, актуализирует контексты Смутного времени, противостояния России и Польши, а также легенду о скопческом царе-избавителе. Образ самозванца от нигилистов, таким образом, становится квинтэссенцией сил, враждебных России и православию.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-91-94

© С. А. Кибальник

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА)*

О значении записных книжек и рабочих тетрадей писателя для интерпретации его творчества нам уже довелось говорить недавно на материале произведений Достоевского.¹ Рассмотрим теперь этот вопрос, обратившись к творчеству Чехова, — причем, чтобы максимально сузить нашу тему, — к записям рецептурного характера, содержащимся как в специальной «Записной книжке <...> для больных»,² так и в других его записных книжках.

1

Как мы уже отмечали, в чеховской «Записной книжке с рецептами для больных» содержатся медицинские рецепты, которые упоминают герои чеховских пьес.³ При этом медицинский рецепт выступает в них как средство скрытой характеристики героя определенного типа — доктора, который не исполняет своих обязанностей как следует.

Этот тип представлен в пьесах Чехова, созданных в самое разное время. В «Безотцовщине» (1877–1879) это «молодой лекарь» Трилецкий, в «Трех сестрах» (1900) — «военный доктор» Чебутыкин.⁴

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10034, ИРЛИ РАН).

¹ Кибальник С. А. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения // Русская литература. 2017. № 4. С. 40–51.

² Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. А. Кибальника // Русская литература. 2018. № 2. С. 194–211.

³ Там же. С. 197–198.

⁴ Отчасти таков же Дорн из «Чайки», который, по всей видимости, исходит из того, что от серьезных заболеваний у современной медицины средств нет, а пустяковые и сами пройдут (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 13. С. 13, 23–24, 26, 48. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием серии (С или П), а также номера тома и страницы). И в этом отношении образ Дорна, судя по всему, и в самом деле, как полагает Д. Рейфилд, автобиографичен: «О своей болезни Антон вообще ни с кем не заговаривал и едва ли предпринимал попытки лечить ее. Сказав Лейкину, что лечить глаза ему не стоит, „ибо и без лечения дело обойдется“, а жене Суворина, что „самое лучшее лечение при болезнях горла — это иметь мужество не лечиться“, и посоветовав певцу Миролюбову для укрепления здоровья лежать день и ночь, укрывшись с головой одеялом, и натираться настойкой из смородиновых почек, Чехов сформулировал кредо врача Дорна в будущей „Чайке“... <...> Суворину он посоветовал (совершенно в духе врачей из собственных пьес) принимать валериановые капли и иметь при себе

Герой первой из них, учитель Платонов, на шутливое приветствие Трилецкого «Господам родственникам!» (Платонов женат на его сестре) реагирует так: «А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! Argentum nitricum... aquae destillatae... Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!» (С 11, 23).

Медицинский рецепт здесь входит в состав очевидно шутливого ответа Платонова Трилецкому. Рецепт «ляписа», растворенного в «дистиллированной воде» (С 11, 23), на первый взгляд, упоминается безо всякого смысла. Сам по себе он кажется лишь ироническим указанием на профессиональную принадлежность Трилецкого. Однако этот смысл все же существует; открывается он через знание о том, избавлению от какого недуга способствует этот рецепт. И следовательно, имеет характер подтекста, нацеленного на довольно узкую категорию людей: врачей и пациентов, пользовавшихся этим средством. Для всех остальных без реального комментария не только сам этот рецепт, но и характер всего шутливого приветствия Платонова остается непонятным.

В чеховской «Записной книжке рецептов для больных» указано, облегчению от чего служит этот рецепт: «(Зуд in ano)». Сам же текст рецепта в ней выглядит, разумеется, более полно, включая (как и в чеховских письмах),⁵ также рекомендацию по применению:

«Rp Aq<uae> destil<illatae> 300,0
Arg<enti> nitr<ici>⁶ 0,06
Ds. Смазывать ежечасно».⁷

Показательно, что этот диалог имеет место уже в первом действии, когда характер Трилецкого и его профессиональные качества как врача читателю еще неизвестны. В дальнейшем «молодой лекарь» в полной мере оправдывает выше приведенную саркастическую характеристику его Платоновым. Он нерегулярно посещает больных и не спешит к ним, даже когда состояние их самое тревожное (С 11, 52, 73, 86, 107, 112–113, 142).

Однако сарказм Платонова по отношению к Трилецкому неслучайно предваряет все это: прямому изображению неаккуратного исполнения героем его профессиональных обязанностей предшествует, таким образом, своего рода фармакологическая аллюзия.

2

В «Трех сестрах» Чебутыкин приводит подряд два рецепта, или, вернее, два полезных средства. Первое он выписывает из газеты, а второе сообщает Соленому. При этом если первая из этих «полезных» рекомендаций уже была прокомментирована посредством обращения к письмам Чехова, то вторая до недавнего времени оставалась совершенно неясной. Рассмотрим этот короткий фрагмент целиком.

В самом начале первого действия пьесы читаем:

«Чебу ты ки н (*читает на ходу газету*). При выпадении волос... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... (*Записывает в книжку.*) Запишем-с! (*Соленому.*) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стекляннная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...» (С 13, 122).

Здесь чеховский герой сначала выписывает из газеты «рецепт, сообщенный ему Книппер в письме от 12 сентября 1900 г.» (С 13, 431). «Я тебе дам средство отличное, чтобы не лезли волосы, — писала в нем О. Л. Книппер. — А пока возьми ½ бут. спирту

складной походный стул» (*Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Пер. О. Макаровой. М., 2018. С. 446, 392*). Впрочем, в отличие от Дорна Чехов был серьезно болен и знал, что ему вряд ли что поможет. А в это время окружающие то и дело дергали его по пустякам.

⁵ См., например: П 5, 208–209.

⁶ сплавленной азотносеребряной соли (ляписа)

⁷ Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных. С. 200, 208 (прим. 33).

и всыпь 2 золотника нафталину и смачивай кожу — это очень хорошо помогает. Послушаешься? А то лысым нехорошо в Москву приехать — подумают, что я тебе волосы выдрала».⁸

«Чехов ведет в пьесе столь характерный для него не прямой диалог с Ольгой Леонардовной <...>, — комментирует реплику Чебутыкина А. В. Кубасов. — „Ответ“ возникает посредством перекодирования безусловного в условное, прямого, одноинтонационного слова в скрыто преломленное, двуинтонационное. Да и как иначе мог отнестись писатель к рецепту любимой женщины, если он давно был убежден в том, что рекламируемые средства для ращения волос отдают шарлатанством? <...>. „Целительная“ мазь для ращения волос подана здесь как заведомо шарлатанское средство».⁹

Пожалуй, такой однозначности — так же, как и прозрачности для обычного читателя, — в первой реплике Чебутыкина нет. Однако чеховский сарказм по отношению к этому «рецепту» проявляется в том, что герой выписывает его «из газеты». Как он сам признается вскоре после этого: «Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты...» (С 13, 124).

Теперь приведем еще раз вторую реплику Чебутыкина, обращенную уже к Соленому: «Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...» (С 13, 122).

На этом месте Ирина прерывает Чебутыкина, но главное он уже сказал. Правда, как и в случае с репликой Платонова Трилецкому, назначение сообщаемого им Соленому рецепта остается большинству зрителей неизвестно. Следовательно, и смысл реплики Чебутыкина кажется такой же невнятицей, как и многое другое из того, что он говорит.

Опять-таки только из специальной медицинской литературы того времени и, к счастью, также из чеховской «Записной книжки с медицинскими рецептами» мы можем узнать, что, по всей вероятности, Чебутыкин сообщает Соленому средство от клопов и мух. Ср.:

«*Rp Alumen*¹⁰

кипящий раствор

(От клопов; прибавлять *alumen* к штукатурке стен домов, конюшен — тоже и от мух)».¹¹

«Пробочка» и «бутылочка» в варианте Чебутыкина появляются, должно быть, потому, что речь идет не о средстве предохранения от насекомых в помещениях, а о средстве их травли там, где они уже завелись.¹²

Таким образом, выписав из газеты, по всей видимости, шарлатанское средство для ращения волос, Чебутыкин тут же дает Соленому другой, на сей раз, возможно, действенный, но также относящийся к чисто бытовой, сниженной сфере совет. Ведь именно этой сферы и касаются оба героя в большинстве своих разговоров.

Все это происходит в самом начале первого действия, и данный рецепт, следовательно, служит опять-таки своего рода скрытой символической характеристикой Соленого, предвещающей дальнейшее его поведение. Незадолго до этого Тузенбах упрекает его: «Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать» (С 13, 122), а вскоре после этого сам Соленый пророчит Тузенбаху: «Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой» (С 13, 124).

⁸ Книппер-Чехова О. Л. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902–1904): [В 2 ч.]. М., 1972. Ч. 1. С. 188.

⁹ Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 98.

¹⁰ квасцы (лат.)

¹¹ Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных. С. 205.

¹² Ср.: Словарь фармацевтических названий и синонимов на латинском, русском, немецком и французском языках / Сост. А. Г. Клинге. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1911. С. 97–100.

Обращает на себя внимание также и то, что в конце первого действия Соленый называет других насекомых, весьма близких по разряду к тем, с которыми его личность оказалась ассоциирована в туманном рецепте Чебутыкина:

«Вершинин. А наливка вкусная. На чем это настоено?

Соленый. На тараканах.

Ирина (*плачущим голосом*). Фу! Фу! Какое отвращение!...» (13, 136).

Аналогичным образом скрытые символические автохарактеристики Чебутыкина посредством двух медицинских рецептов в дальнейшем получают прямое подтверждение в признаниях героя:

«Андрей. Сегодня я играть не стану, только так посижу. Нездоровится... Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Чебутыкин. Что спрашивать! Не помню, голубчик. Не знаю» (13, 153);

«Чебутыкин (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал... Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего» (С 13, 160).

Выше обозначенные символические характеристики Чебутыкина и Соленого в первом действии «Трех сестер» в дальнейшем реализуются также и в поведении героев: безразличие первого из них и мстительность второго приводят к трагической развязке центральной сюжетной линии пьесы.

Случай с рецептом, который Чебутыкин сообщает Соленому, по-видимому, восходит к «Безотцовщине», где шуточный медицинский рецепт, произнесенный Платоновым в начале пьесы, оказывается своего рода эпиграфом к характеру Трилецкого. Только «фармакологическая аллюзия» разрастается здесь уже до своего рода подтекста.

Итак, диапазон использования медицинского рецепта в драматургии Чехова простирается от аллюзии до символического подтекста. По аналогии с понятием «факультативной интертекстуальности» (М. Риффатер)¹³ применительно к фармакологическому микротексту «Трех сестер» стоит говорить уже не только о его символичности, но и о факультативной «подтекстовости», или криптографичности. Возможно, эта особенность присуща и некоторым другим чеховским «деталям-символам», принадлежащим «сразу двум сферам — „реальной“ и символической — и ни одной из них в большей степени, чем в другой».¹⁴

Параллели с материалом записных книжек и рабочих тетрадей Достоевского нередко позволяют верно понять смысл той или иной фразы из его художественных произведений, а то и уточнить их интерпретацию: в черновых редакциях писатель иногда сам сформулировал идеи многих своих произведений — по крайней мере так, как он сам себе их представлял, причем еще на стадии замысла.¹⁵

Чехов не формулировал в записных книжках идей своих произведений. Зато они — даже такие, которые заключают в себе, казалось бы, сугубо прагматический материал, — содержат ключ к отдельным фрагментам этих произведений. И помогают понять не только их, но и характеры героев, а соответственно, смысл произведения в целом. При этом, что касается пьес Чехова, то содержащиеся в его записных книжках практические рекомендации иногда удивительным образом оказываются потайным ключом к их символическому подтексту.

¹³ Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр. М., 2008. С. 57.

¹⁴ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971. С. 171–172.

¹⁵ Кибальник С. А. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения. С. 40–46.